В. А. Черванёва
ORCID: 0000-0003-3091-6469
✉ *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица?

Аннотация. Статья посвящена анализу дейксиса устного мифологического нарратива. Предметом изучения являются грамматические формы 1-го лица, в которых получает репрезентацию субъект повествования. Исследование дейктиков показало, что доминирующей формой субъектной организации мифологического рассказа является перволичный нарратив. Грамматические формы 1-го лица используются не только в меморатах, где говорящий выступает в роли очевидца и участника событий, но также и в рассказах о чужом опыте контакта с мифологическим явлением. В частности, в статье рассматривается отмеченная в фабулатах специфическая нарративная форма «двойного 1-го лица», когда говорящий одновременно использует формы 1-го лица по отношению к себе и своему персонажу, спонтанно переходя на изложение от его лица по ходу рассказа. Автор приходит к выводу, что обнаруженная экспансия форм 1-го лица в мифологических текстах обусловлена особенностями коммуникативной ситуации их бытования.

Ключевые слова: мифологический текст, нарратив, субъект повествования, дейксис, коммуникативная ситуация

Для цитирования: *Черванёва В. А.* Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги / Steps. Т. 5. № 2. 2019. С. 36–52. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-36-52.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2018 г.
Принято к печати 27 ноября 2018 г.

© В. А. ЧЕРВАНЁВА

V. A. Chervaneva
ORCID: 0000-0003-3091-6469
✉ *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

Deixis of oral mythological narratives: What are first person forms talking about?

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the deixis of the oral mythological narrative. The subject of study are the first person grammatical forms, in which the narrator is represented. Study of deictic units shows that a first person narrative is the dominant form of subject organization of the mythological story. First person grammatical forms are used not only in memorates, where the speaker is both a participant in and a witness of events, but also in stories about someone else's experience of contact with a mythological phenomenon. In particular, the article discusses the specific narrative form of the "double 1st person", in which the speaker uses first person forms in relation to himself and to his personage, spontaneously switching, while telling the story, to a narrative from the latter's point of view. The author of the paper concludes that the expansion of first person forms in mythological texts is due to the features of the communicative situation in which they arise, namely, the canonical situation of direct oral communication. The speaker prefers to convey the story in the form of direct speech, which describes the perception of a mythological phenomenon and contact with it. Obviously, this is due to the fact that in the canonical situation of speech the speaker is the subject of speech, consciousness, perception, deixis. Therefore, in the mythological story an active character who sees, hears, feels, and interprets is presented by forms relevant for such a subject in the canonical context of the speech situation.

Keywords: mythological text, narrative, narrator, deixis, communicative situation

To cite this article: Chervaneva, V, A. (2019). Deixis of oral mythological narratives: What are first person forms talking about? *Shagi / Steps, 5*(2), 36–52. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-36-52.

Received October 17, 2018
Accepted November 27, 2018

© V. A. CHERVANEVA

Дейксисом в современной лингвистике принято называть указание как функцию языковых единиц, предполагающее соотнесение знака и означаемого не непосредственно, а через отсылку к речевому акту[1]. В сферу дейксиса входит указание на участников речевого акта — говорящего и адресата, а также на их пространственную и временну́ю локализацию, поэтому традиционно дейксис подразделяется на три разновидности: личный (персональный), пространственный и темпоральный.

Поскольку указывать на объекты, не называя их, может только субъект, вовлеченный в коммуникативную ситуацию, дейксис оказывается сферой, где говорящий получает наиболее зримое и непосредственное выражение. Вся дейктическая лексика эгоцентрична — она ориентирована на говорящего и его позицию в пространстве и времени. «Классические» дейктические слова — это прежде всего местоимения и местоименные наречия (*здесь — там*, *сейчас — тогда*, *этот — тот*, *вот — вон*, *я — ты* и т. п. [Апресян 1995: 630]), т. е. такие слова, для которых допустимы переменные референты и семантика которых, соответственно, зависима от позиции говорящего и ситуации речи в целом.

Анализ дейктиков в любом тексте дает чрезвычайно интересные результаты: по характеру употребления этих единиц можно судить о том, как устроен текст на глубинном уровне и каким образом автор вовлечен в текст и репрезентирован в нем. Отметим, что не быть выраженным в своем тексте автор не может, даже если ставит перед собой такую цель. Один из парадоксов нарратива состоит в том, что автор в нем «одновременно недопустим и неистребим» [Зализняк 2016: 8], поскольку «в естественном языке текст неотделим от своего создателя, говорящего» [Падучева 1996: 217].

Нарратологический подход к изучению художественного текста основывается на анализе употребления дейктических единиц, прежде всего личных форм, в которых получает выражение позиция субъекта повествования. На оппозиции форм 1-го и 3-го лица построено ставшее традиционным противопоставление д и е г е т и ч е с к о г о нарратива (в котором субъект повествования принадлежит миру текста) и э к з е г е т и ч е с к о г о (с нарратором, не эксплицированным в тексте и не имеющим в нем пространственно-временно́й позиции) [Падучева 1996: 203]. В нарративе с диегетическим повествователем используется перволичная повествовательная форма — рассказчик является персонажем и участником изображаемых событий (вспомним, например, рассказчика Петрушу Гринева в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» или систему рассказчиков в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, где в роли субъектов повествования в разных главах романа выступают различные персонажи — Печорин, Максим Максимыч, путешествующий офицер). Текст с экзегетическим повествователем — это всегда нарратив 3-го лица. Повествователь этого типа выступает как «всезнающий», «всеведущий» и не указывает на источник информации — он обладает ею им-

[1] Ср. определение дейксиса в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [Виноградов 1990].

манентно. Такова субъектная организация текста в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», в рассказе «Толстый и тонкий» А. П. Чехова[2].

Вопрос о субъекте повествования (повествователя, рассказчика) получил довольно широкую разработку на материале художественной литературы и в отечественной [Бахтин 1975; Виноградов 1971; Гуковский 1959; Корман 2006: 247; Падучева 1996; Успенский 1970], и в зарубежной науке [Барт 2000; Женетт 1998; Шмид 2003]. Что же касается устного, фольклорного текста, то эта проблема еще ожидает детальной разработки, и эту лакуну в некотором смысле призвано заполнить данное исследование.

* * *

Автором статьи была предпринята попытка изучения дейктической организации устного мифологического нарратива в рамках рассмотрения более крупной проблемы — позиции рассказчика и ее отражения в мифологических текстах. Основным материалом исследования послужил корпус мифологической прозы объемом 124 508 слов из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (весь материал записан в Каргопольском районе Архангельской области)[3]. В фокусе внимания оказались средства персонального дейксиса, прежде всего формы 1-го лица — глаголов и местоимений.

Почему же именно эти — перволичные — формы стали предметом исследования?

Дело в том, что, как уже было отмечено, дейктическая лексика эгоцентрична, ориентирована на говорящего и его локацию в пространстве и времени, и потому среди средств персонального дейксиса центральное место занимают формы 1-го лица, репрезентирующие собственно говорящего как субъекта речи.

Пространственно-временные координаты текста строятся относительно трех точек: «я — здесь — сейчас», т. е. сам говорящий — его местонахождение в момент коммуникации — момент коммуникации [Апресян 1995: 631; Арутюнова и др. 1992: 160; Бюлер 1993]. Это наблюдается при нормальном, естественном функционировании языка — в рамках канонической языковой ситуации (ситуации, когда говорящий и слушающий находятся в одном времени и пространстве [Lyons 1977: 637, Падучева 1996: 259]). Такой режим интерпретации языковых элементов, когда говорящий является субъектом дейксиса, речи, сознания и восприятия, называется речевым, или первичным, и этот режим присущ прежде всего разговорной речи в рамках диалогического общения [Падучева 1996: 265–271; Успенский 2011: 13–22].

---

[2] Упоминаемая точка зрения не является единственной в нарратологии. Так, Ж. Женетт, используя понятие фокализации, предлагает более детальную типологию текстов, учитывающую не только принадлежность повествования тому или иному субъекту, но и то, чей взгляд отражается в тексте и определяет его нарративную перспективу [Женетт 1998]. В. Шмид, автор «Нарратологии» [Шмид 2003], также критикует ставшее традиционным противопоставление текстов от 1-го и 3-го лица, подчеркивая, что различительным признаком в системе должно быть «не наличие форм первого лица, а их функциональная отнесенность» [Там же: 83]. Тем не менее применение большего числа параметров для классификации и описания типов нарратора не отменяет использование и грамматического критерия.

[3] Сокращенные обозначения информантов приводятся в соответствии с принятыми в архиве ЛФ РГГУ.

В неканонической ситуации (когда отсутствует непосредственный контакт говорящего и адресата, не совпадает время и место — например, в письменном нарративе) эгоцентрические элементы языка меняют свое значение и начинают вести себя по-другому. Вместо говорящего центром, на который ориентированы дейктические элементы, становится заместитель говорящего — повествователь или же персонаж. Такой режим интерпретации языковых средств называется нарративным, или вторичным [Падучева 1996: 265–271; Успенский 2011: 13–22]. Ю. Д. Апресян называет такой дейксис дейксисом пересказа в отличие от первичного дейксиса — дейксиса диалога [Апресян 1995: 632]. Приведем примеры такого употребления дейктических единиц:

> Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея (А. С. Пушкин, «Барышня-крестьянка»)[4].

> Полковой командир обратился к князю Багратиону, упрашивая его отъехать назад, так как здесь было слишком опасно (Л. Н. Толстой, «Война и мир»).

Обратим внимание: в приведенных примерах лексема *здесь* не имеет отношения к внетекстовой реальности, а обозначает место в ситуации текста, которое определяется относительно местоположения персонажа. Аналогичное употребление лексемы можно наблюдать и в фольклорном сказочном нарративе:

> Они сели, и царь-медведь принес их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живет (Аф., № 201).

Любое же разговорное употребление слова *здесь* соотносит его значение с местом нахождения говорящего в момент речи (ср.: *Он живет здесь уже много лет* — имеется в виду: в месте, где находится говорящий в момент порождения высказывания).

В этом состоит существенное различие речевого и нарративного режима употребления языковых средств: в разговорном дискурсе говорящий принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию, а автор письменного художественного текста — нет, он стоит за его пределами [Падучева 1996: 245].

* * *

Выясним, какой режим интерпретации дейктических единиц характерен для мифологических рассказов.

Любой фольклорный текст передается по устному каналу, фольклорный же мифологический рассказ, кроме того, всегда включен в ситуацию непосредственного речевого контакта — спонтанного общения, беседы. При этом, если текст представляет собой повествование о собственном опыте столкно-

[4] Примеры из художественной литературы взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

вения рассказчика с мифологическим явлением, говорящий выступает не как транслятор текста, а как его создатель.

Эти особенности — пространственно-временна́я смежность говорящего и слушающего [Lyons 1977: 637; Падучева 1996: 259], порождение текста в акте коммуникации [Толстая 2010: 55], а также характерная для мифологической прозы в целом реальная модальность, когда мир текста позиционируется как невымышленный (совпадает с миром коммуникантов) [Падучева 1995], — составляют признаки канонической речевой ситуации, которая, как нам представляется, обязательна для экспликации фольклорного мемората.

Это находит отражение на уровне вербальной организации текста. Наши наблюдения показывают, что для мифологических рассказов характерен речевой, а не нарративный режим употребления языковых единиц — дейксис текста ориентирован на говорящего и актуальную речевую ситуацию, т. е. это первичный дейксис разговорной речи.

Прежде всего он проявляется в том, что основной, доминирующей формой субъектной организации мифологического рассказа является нарратив 1-го лица. Для меморатов это естественно — рассказчик, соотнесенный с фигурой реального говорящего (информанта) в канонической ситуации произнесения текста, позиционируется как участник описываемых событий и представлен в тексте эксплицитно — перволичными формами (местоимениями и грамматическими показателями 1-го лица) — как в повествовательной части, так и в обрамлении рассказа.

В фабулатах же (рассказах о чужом опыте, предполагающих отсылку к другому лицу — участнику событий) следовало бы ожидать другие нарративные формы. Если проводить аналогию со сферой письменных текстов, то фабулаты соотносятся с повествованием от 3-го лица, и, вообще говоря, здесь должен быть вторичный дейксис («дейксис пересказа» [Апресян 1995: 632], в отличие от первичного дейксиса — «дейксиса диалога» [Там же]). И в корпусе есть такие примеры, когда говорящий представлен формами 1-го лица только в обрамлении рассказа, а сам нарратив третьеличный:

> Мама рассказывала, ещё бабушка была жива. У соседки закрыли[5] корову. Она, грит, тоже пришла к этой женщине, [которая скотину открывала]. Она говорит: «Так, мол, сделай. Возьми яйцо, только сами не ходите, а возьмите попросите. И в таком-то месте найдёте живую, здоровую». А у ней муженёк: «А! Ещё будем у кого-то просить!? Сами пойдём». Ну и нашли. Такая, как колода, дерево. И будто специально у ней так запихано и шея свёрнута. Это лесной хозяин не полюбил, что неправильно сделано [РЛМ].

> А тут одну дак... Одну тожо ходил [покойник, по которому женщина тосковала], дак ноцью ей всё беспокоил. Как двенадцать часов дак, ну... Он приходит и ей муцяет. Ну. Ну вот, а потом она никому ницё не говорила, а потом с женщинами разговорилася, а женщины-то и сказали: «Ты что, — гът [говорят], — он тебя до смерти замуцяёт!»

[5] Имеется в виду магическое действие вредоносного характера, в результате которого скот пропадает, становясь невидимым для людей.

> Ну вот. Дак ей что сказали: «Вот возьми топор, поставь ты топор-то этой, с руцькой [нрзб.] этот, остриё-то, чтобы пятка-та была, стая стояла, вот, вот, где открывается, то в ту сторону так воткни в пол. И положь ножик под подушку. Он к тебе больше не будет ходить». Ну вот, она так и зделала, дак он, говорит, пришёл и сказал... Как двири-те открыл, а у ей топор-то влиплён. «А, — гът ‹…› — догадалиси!» Вот и всё, вот какое цюдо было. Догадалась, ей науц'или. Он бы ей замуцял совсем, тожо тосковала сильно об ём. Тоже нельзя тосковать [КМА].
>
> ...У нас вот у свата, у Васи, тожо была бабка дак, девять годов лежала. Дак она... Он ей сразу выкинул койку, нать было не выкидывать, дак она ходила... приходила три дня, к окошку стуцяла. [Что надо было не выкидывать?] Ну, нать не выкидывать, где она умрёт, койку-то дак трои суток подёржать тут. Не выносить. А они всё вынесли, выкинули. [Куда?] А на улицу. Вот она, говорят, и приходила три, по три вец'ера. Во двенадцать часов ночи к окну приходила. Стучаласи [КМА].

Однако довольно часто (по нашим подсчетам, как минимум в ⅔ случаев — в 41 примере из 61) в устных рассказах-фабулатах используются специфические приемы «оживления» повествования и приближения его к диалогической форме. Эти приемы сводятся к использованию в таких рассказах нарративной формы, основанной на прямой речи персонажа — источника информации, и на имитации говорящим рассказа от лица очевидца в формах первичного дейксиса. Нарратор, пересказывающий историю чужого опыта, входит в роль участника событий и передает ее целиком от 1-го лица своего персонажа. При этом воображаемый (инсценируемый, цитируемый) персонаж-говорящий — участник описываемых событий — оказывается в центре пространственно-временны́х координат текста и становится субъектом дейксиса. В результате получается текст в тексте — своеобразное «двойное» изложение текста от 1-го лица. Эта особая нарративная форма позволяет при изложении «чужого» текста сохранять первичный дейксис. Приведем пример (курсивом здесь и далее выделены части текста от 1-го лица персонажа):

> Одна старушка мне рассказывала, что, говорит, её отец — ну, старый тоже такой уже, и вот, *г о в о р и т, сплю ночью, мне показалось, что* он всё раньше ходил, всё мимо неё ходил в туалет. *И вот, г о в о р и т, прямо слышу, шаркают его ноги, г о в о р и т, держится за мою кровать, переставляет руку — опять дальше держится, за печь взялся, вот, г о в о р и т, прям слышу, таки ляпанье рук, вот шарканье ног, слышу, слышу, до печи дошёл, надо бы дальше идти, всё, г о в о р и т, пропало. Я, г о в о р и т, думаю: да что? Остановился. Я, г о в о р и т, вскочила с кровати-то, поглядела — а нет дедка-то. Я, г о в о р и т, и подумала: ну, наверно, умрёт.* Он умер. *Это, г о в о р и т, мне хозяин*[6] *сказал: что пошёл и остановился.* Предупредил, типа того что [БЛВ].

[6] Имеется в виду домовой — дух домашнего пространства.

Первичный дейксис, отражающий позицию реального говорящего (когда формы 1-го лица относятся к говорящему, а формы 3-го лица — к персонажу — вторичному нарратору), представлен в начальной вводной фразе, и то фрагментарно («Одна старушка мне расказывала, что, говорит, её отец — ну, старый тоже такой уже, и вот, говорит…»; «все мимо неё ходил в туалет»). В остальной части текста следы говорящего можно найти только в формах 3-го лица глагола речи (*говорит*), обозначающих действие персонажа. Дейктики основной части рассказа — местоимение *я* и глагольные формы 1-го лица — отражают позицию персонажа, в которого «перевоплощается» говорящий и от лица которого он повествует историю далее.

Приведем еще примеры.

> Хозяин [муж] у меня роботал на конюшне, на конюшне роботал, говорит: *прихожу я на конюшню, кони были все застаты — со стариком ходил, старика нету, пошёл к старику дак. Захожу, говорит, в конюшню: ходит лошадь,* он там назвал по кличке [?]. *Вижу на месте, а я, говорит, иду за ней в хлев. Она потерялась, несу* [?]*, говорит, и стойло закрыто, закрытое стойло.* [Он пошел за ней вслед и увидел.] *Вот это хозяин-то позабавился.* [Хозяин?] Дворовой. *А тут раз прихожу... иду тожо, говорит, приходил* [?] *ищё раньше этого старика, прихожу, а он ходит здесь по комнате* [?] *[нрзб.] я, говорит: «Иван!»* Муж Иваном назвал [?] [Дворовой кричал «Иван!»?] Нет, мой муж кричал. [Муж дворового назвал по имени.] [ТПВ].

В этом фрагменте формы 1-го лица («хозяин у м е н я роботал на конюшне») сначала обозначают говорящего, а затем уже на протяжении всего рассказа относятся к персонажу — мужу рассказчицы (*я*, *прихожу*, *захожу*, *вижу*, *иду*, *несу* и др.). Рассказчица входит в роль реципиента мифологического явления и выходит из этой роли только после уточняющих вопросов собеседника, когда вновь включается диалогический режим. Но и в рамках фрагмента от 1-го лица персонажа говорящий может вставлять попутные реплики от себя и, соответственно, представлять персонажа в 3-м лице («о н там назвал по кличке…»), таким образом, переключение между различными дейктическими режимами происходит достаточно свободно.

Обратим внимание также на то, что в нарративном фрагменте с «двойным» 1-м лицом пространственные дейктики также употребляются для обозначения позиции персонажа с точки зрения самого персонажа («прихожу, а он ходит з д е с ь по комнате» — в данном случае имеется в виду место в описываемой ситуации).

Точке зрения говорящего в таких фрагментах соответствуют лишь глаголы речи, определяющие действие персонажа в 3-м лице (*говорит*). Эти глаголы частотны, текст ими плотно наполнен, и на первый взгляд они похожи на вводные слова, так как грамматически не связаны с предложением. Однако это не так, поскольку в отличие от соответствующих вводных слов (*говорят*, *говорили*) они меняют персональную направленность текста, переключают дейктический центр с говорящего на персонажа и путем повторения актуализируют это переключение, служат маркером смены субъекта речи и дейксиса, как это бывает при прямой речи. Таким образом, в рамках этого приема — конструк-

ций с «двойным» 1-м лицом — мы имеем дело со своеобразной разговорно-речевой трансформацией прямой речи.

Переход к перволичной форме нарратива от лица персонажа может осуществляться и без маркеров чужого текста. Ср.:

> Случай вот такой: вот здесь мужчина жил — я пацаном был — он шёл с праздника, тут через поле, два поля. *И вот иду*, ну, с похмелья, что ли, был, *через перелесок. Впереди... г о в о р и т, ну... иду — впереди меня мужик, г ъ т, идёт, здоровый мужик, г ъ р и т, смотрю: босиком. Впереди меня. Я дошёл до его, до следа-то, где он идёт, — точно, босиком идёт. У меня, г ъ р и т, даже шапка так стала, волосы, г ъ р и т, подняло. Я: «Постой, — г ъ р и т, — товарищ!» — а он отвернул в снег-от — снегу было вот стоко, г ъ р и т, по горло, — он прямо по снегу и пошёл в сторону. Я, г о в о р и т, добежал до этого места-то, перекрестилсэ да бегом домой ‹...› Чуть не сдох, г о в о р и т, так бежал. А его — он тоже и говорит, когда я перекрестилса-то: «Узнал, — говорит, — кто я!»* [Босой говорит?] Да, мужчина-то говорит: «Щас узнал, — говорит, — кто я?!» Всё, больше ничего. Никакой... и мужчина потерялся. Вот это такое я слышал. [Кто это был?] А вот не знаю кто. А он сам не знает, кто такой: показалось ему или он на... факте видел. Или вот щас про снежного-то человека говорят — мож быть, и тот [САП].

В приведенном фрагменте переход на повествование от 1-го лица персонажа (выделено курсивом) происходит спонтанно, без видимых знаков смены дейктического плана: «…о н шёл с праздника, тут через поле, два поля. *И вот и д у*…». Лексема *говорит*, маркирующая текст как прямую речь, появляется позже: «*... г о в о р и т, ну... иду — впереди меня мужик*». Очевидно, данная особенность связана с присущим разговорной речи тяготением к грамматическим связям свободного соединения.

В следующем примере эта особенность проявляется даже более ярко — переход на *мы* персонажа происходит совершенно неожиданно в процессе рассказывания:

> Мама рассказывала, ещё девкой была, и их один мужчина водил чертить[7]. Чертилися раньше в Святки. Поц'ертят, в круг посадят, вот и сиди в кругу. Что бы тебе ни послышалось, что бы ни показалось, а сиди. Вот он привёл на реку, оц'ертил, а сам пошёл. Он, наверно, с лесным знался. Говорит: «Что вы услышите, что увидите — ни с места из круга». *Мы сидим в кругу, как пошёл ветер, как пошёл ветер, так сосенки, вершинки чуть не до земли. Мы, говорит, уже и боимся* [РМВ].

Подобные примеры в корпусе довольно частотны.

Анализ материалов интервью показывает, что такая нарративная форма встречается только в фабулатах с персонифицированным вторичным наррато-

[7] Речь идет о способе гадания.

ром, т. е. в текстах, где источником информации о событии является конкретный человек — реципиент или, реже, наблюдатель, опыт которого пересказывает говорящий. В исследуемом корпусе текстов был обнаружен 61 пример фабулатов такого типа, и в этой выборке встречается 20 нарративов с третьеличной репрезентацией персонажа, а нарратив с «двойным» 1-м лицом (говорящего и персонажа) представлен, соответственно, в 41 примерах. Заметим, что в текстах от 3-го лица тоже часто встречается прямая речь персонажа, правда в ограниченном объеме. И, как правило, такие тексты невелики по объему — иногда это свернутый нарратив, даже не повествование, а сообщение.

* * *

Что же побуждает рассказчика менять форму повествования в процессе говорения? И вообще, каковы могут быть причины появления нарратива от «двойного» 1-го лица?

С одной стороны, изложение рассказа в форме «развернутой цитаты» делает текст своеобразным «свидетельским показанием» об услышанном — говорящий старается максимально дословно передать рассказ, копируя даже грамматические формы чужой речи. На первый взгляд представляется, что функция такого приема — передача достоверности. С другой стороны, кажется маловероятным, чтобы говорящий делал это сознательно, используя грамматическую форму как прагматически обусловленный прием.

Попробуем разобраться.

В нарративах с переходом на 1-е лицо персонажа объем вставного повествования может составлять весь или почти весь нарратив — именно такие примеры были рассмотрены выше. В то же время встречаются тексты, где переключение на форму изложения от 1-го лица персонажа происходит только в рамках ограниченного фрагмента, в остальной же части текста этот действующий персонаж представлен формами 3-го лица. Ср.:

> Слышу, что он кричит. А тёмно, осенью, я двери открыла, зашла, его нету. Кровать пустая, его нет, слышу, во дворе он упал, у нас тут высоко, а тут лестница, а он шёл мимо, на лестницу не пошёл, а прямо, и упал во двор туда вниз. И поломал рёбра. *Говорит, лежу, не спал ещё, заходит вот*, бабушка-то умерла, свекровь-то, а он её знал хорошо, он бывал у нас часто, дак говорит, *вот она заходит, вот в каком она ходила вот в сарафане, в кофте той же всё: «Валентин, пойдём со мной». Я, говорит, встал и пошёл. Пошёл, говорит, я никаких дверей не открывал и ничего, прямо пошёл*, она пошла, и он за ней. И он упал, переломал рёбра. Вот такой случай ещё был [ФАА].

В этом примере видно, что смена планов текста — переход на 1-е лицо персонажа и затем на 1-е лицо говорящего — происходит достаточно свободно: несколько раз в рамках всего высказывания. Говорящий-наблюдатель произносит свою часть рассказа от 1-го лица, а часть рассказа собственно о контакте с мифологическим персонажем передается от лица контактирующего персонажа в формах 1-го лица, относящихся к реципиенту. Таким образом, формы 1-го лица репрезентируют основного субъекта действия.

Приведем еще пример, демонстрирующий те же тенденции:

> …и у нас вот Серёжка, мой племянник, старухой ёго видел, в лесу. [Старухой?] Ну. Вот, говорит, идёт. Вот тут умерла одна уж эта старушка. Всё Пастиха да Пастиха. Маня Пастиха да Маня Пастиха. Говорит, сел закуривать на колодину. А в лесу-то один ходил, туды, далёко за Полуборье ушёл. *Говорит, как обернулся — Пастиха идёт. Ко мне. С бураком. У меня, говорит, так волосы-те, говорит, даже поднялись. Грит, да что, это откуда она взялась, говрит, умерла, а идёт мёртва. Да, говорит, век Богу не молился, а тут помолилси, Богу-то*. [Помолился, и что, она исчезла?] Ну. Она, грит, тут на месте как растаяла. [А почему она на него вышла?] Показалась она. [А почему она показалась?] Ну, может быть, он что-нибудь сказал, какое-нибудь слово. Может быть, матюг какой-нибудь сказал или что-нибудь. Вот ему сразу и... [ПВА].

Если понаблюдать, в каких случаях происходит переход на форму 1-го лица, то выявляется вполне определенная тенденция: 1-е лицо появляется в эпизодах непосредственного контакта с мифологическим персонажем, особенно в ситуациях восприятия — акустического, визуального, тактильного. Именно такое содержание чужого опыта говорящий предпочитает передавать в формах рассказа от лица очевидца.

Вывод о корреляции между выбором рассказчиком форм лица и степенью активности субъекта подтверждается анализом лексического материала и анализом контекстов. Для этого была произведена выборка всех фрагментов текста, в которых говорящий переходит на изложение от 1-го лица персонажа, и далее, в рамках этих контекстов, — выборка всех языковых единиц (прежде всего глаголов), относящихся к субъекту 1-го лица.

Анализ семантики данных единиц показал, что субъекту-персонажу, которому рассказчик в мифологических нарративах «передает слово», в контекстах 1-го лица присущ следующий набор действий и состояний:

- физические действия (прежде всего движение, изменение положения в пространстве);
- физическое восприятие (зрительное, слуховое, тактильное);
- ментальные действия;
- речевые действия;
- эмоциональное состояние (страх, огорчение);
- физическое состояние (прежде всего сна и бодрствования).

Совокупность выборки предикатов составила 191 словоупотребление, ее лексический состав представлен ниже в *табл. 1* (цифрами указано количество употреблений каждой лексемы). Далее, в *табл. 2*, показано количественное распределение данных лексических единиц по группам.

Таблица 1. *Лексемы-предикаты в контекстах 1-го лица персонажа*
Table 1. *Predicates in contexts of the 1st person of the personage*

Семантика предикатов	**Лексемы-предикаты (в начальной форме)**
физического действия	ходить — 2, заходить — 2, подходить — 1, приходить — 4, проходить — 1 идти — 7, прийти — 3, выйти — 5, пойти — 10, уйти — 2 бежать — 5, добежать — 1, побежать — 1, бегом — 1, бегать — 1 переехать — 1 сидеть — 5, посидеть — 1, сесть — 1 лечь — 1, лежать — 5, ложиться — 1; повалиться (спать) — 1 встать — 2; вскочить — 4 стоять — 2 довести — 1 обернуться — 2, вернуться — 1, возвращаться — 2 удаляться — 1 забраться — 1; залезть — 1 спрятаться — 1 быть ‘находиться’ — 1 нести — 1 брать — 1, набрать — 1, собирать — 1 пирвать (ягоды) — 1 подгонять — 1 поймать — 1 повернуть (за плечи) — 1 пнуть — 1 доить — 2, додоить — 1 охотиться — 1 косить — 1 выстирать — 1 разложить (огонь) — 1 играть — 2 перекреститься — 5 зачертиться — 1
физического восприятия	видеть — 2; смотреть — 8, посмотреть — 1; глядеть — 1, поглядеть — 2 открыть глаза — 1; поднять глаза — 1 слышать — 7 пощупать — 1 чувствовать — 3 показалось (безл.) — 1
ментального действия	думать — 4, подумать — 2 не знать — 9, знать — 1, не узнать — 1; не представлять — 1 забыть — 1; не помнить — 1; выйти из памяти — 1 не принять ‘не понять’ — 1 очухнуться — 1 помолиться — 1, стал молитву — 2, читать молитву — 1, сотворить молитву — 1 послушаться — 1
речевого действия	говорить — 8, не откликаться — 1, крикнуть — 2, разговаривать — 1, спрашивать — 1
эмоционального состояния	бояться — 3; не сметь — 1; испугаться — 1; стало/сделалось страшно — 2 расстроиться — 1; было мерзко — 1
физического состояния	спать — 1, проснуться — 1; очухнуться — 1 отощать — 1 быть молодой — 1 быть полной сил — 1

Картина будет неполной, если не учесть тот факт, что в устных нарративах указанная семантика довольно часто передается контекстом, без употребления соответствующей лексемы-предиката. Так, процесс восприятия чаще описывается без перцептивного глагола — сразу называется результат процесса без его наименования (в 40 случаях из 68 примеров в корпусе). Например, в приведенном ниже описании явления покойника из контекста очевидно, что рассказчица видит и слышит умершего мужа, однако лексика восприятия при этом не используется:

> Ну вот, и в один прекрасной день говорит, *бельё выстирала и пошла вешать бельё, ну вот, а гът* [говорит]*, идёт мой-то хозяин, гът, и идёт. И вот этот хозяин меня, гът: «Пойдём, — гът, — со мной!» Я, гът, с ним и пошла* [КМА].

Таким же образом, хотя и реже, передается речевая и мыслительная деятельность субъекта — персонажу атрибутируется прямая речь без использования глагола речи:

> *…а потом меня стал грабать за ноги* [леший]*, я пнул: «Отойди, кто пришёл?»* [ПАС].

> *Говорит, как обернулся — Пастиха идёт. Ко мне. С бураком. У меня, говорит, так волосы-те, говорит, даже поднялись. Грит, да что, это откуда она взялась, говрит, умерла, а идёт мёртва. Да, говорит, век Богу не молился, а тут помолилси, Богу-то* [ПВА].

В последнем примере с помощью контекстуальных средств, без наименования самого процесса, передается целый ряд смыслов: визуальное восприятие («как обернулся — Пастиха идёт»), эмоциональное состояние («У меня, говорит, так волосы-те, говорит, даже поднялись»), ментальное действие («Грит, да что, это откуда она взялась, говрит, умерла, а идёт мёртва»).

Фрагментов, подобных этому, в исследуемом корпусе немало, именно поэтому кажется целесообразным привлечь данные не только лексического, но и контекстуального анализа. Представим количественное распределение лексем и контекстуальных средств выражения семантики по группам (см. *табл. 2*).

Таблица 2. *Количественное распределение вербальных и контекстуальных средств выражения семантики по семантическим группам*
Table 2. *Quantitative distribution of verbal and contextual units by semantic groups*

Семантические группы предикатов	**Количество словоупотреблений предикатов**	**Количество контекстов соответствующей семантики без предикатов**
физического действия	106 (из них глаголов движения / положения в пространстве 83)	5
физического восприятия	28	40
ментального действия	29	4
речевого действия	13	7
эмоционального состояния	9	5
физического состояния	6	0

* * *

Таким образом, исследование семантики языковых единиц и контекстов, репрезентирующих действия субъекта, подтверждает вывод о связи между характером активности субъекта и выбором форм 1-го лица для ее обозначения. Говорящий предпочитает передавать рассказ в форме прямой речи очевидца и участника событий в той части нарратива, где речь идет о деталях и подробностях ситуации восприятия мифологического явления и контакта с ним. Персонаж, получающий в тексте «право голоса» от своего лица, — это субъект, активно перемещающийся в пространстве, воспринимающий и осмысляющий происходящее.

Можно предположить, что существует несколько факторов выбора рассказчиком нарративной формы «двойного 1-го лица». С одной стороны, такая организация текста, видимо, продиктована действием характерной для мифологической прозы категории достоверности — желанием рассказчика «снять с себя ответственность» за мистическое содержание «чужого» текста.

С другой стороны, причина появления этой формы, возможно, кроется в особенностях разговорной речи и влиянии свойственной ей канонической речевой ситуации. В канонической ситуации речи говорящий является субъектом речи, сознания, восприятия, дейксиса. Соответственно, источник информации — активный персонаж, который видит, слышит, чувствует, интерпретирует, оказывается представлен формами, актуальными для такого субъекта в каноническом контексте речевой ситуации.

Кроме того, очевидна связь этой нарративной формы с коммуникативными речевыми регистрами (в данном случае используется терминология Г. А. Золотовой и других авторов коммуникативной грамматики [Золотова и др. 2004]). Переход к рассказу от 1-го лица персонажа появляется, когда говорящий начинает последовательно излагать ход события, сообщая подробности и детали происшествия. В этих фрагментах наблюдается изобразительный (репродуктивный) речевой регистр. Изобразительный регистр предполагает зримое представление описываемых событий, включение говорящего в хронотоп происходящего (в реальности или в воображении) и передачу наблюдаемых в конкретной длительности процессов. Использование этого регистра провоцирует переход к изложению от 1-го лица персонажа. В информативном же регистре, для которого характерно сообщение о фактах как суммирование информации рассказчиком, дистанцированным от хронотопа текста, как правило, наблюдается третьеличный нарратив.

В заключение обзора особенностей персонального дейксиса в мифологических рассказах отметим, что именно смена точек зрения в ходе изложения (переход от третьеличной формы к перволичной форме изложения от лица персонажа) является наиболее специфической чертой, определяющей своеобразие дейктической организации устного нарратива. Решающий фактор в данном случае — влияние ситуации бытования текста, что характерно для устной сферы коммуникации. В письменно-литературном тексте выбор формы изложения автором от 1-го лица (рассказчика или персонажа) или от 3-го лица (экзегетического повествователя) определяется волей и творческим замыслом самого автора. При этом, как правило, форма повествования сохраняется на протяжении всего произведения; если же происходит смена плана изложения, то это всегда целенаправленный художественный прием, имеющий эстетическую обусловленность.

В устных мифологических нарративах смена личных форм происходит спонтанно на протяжении всего текста, и причины этого, очевидно, лежат за пределами воли говорящего — судя по всему, это процесс, обусловленный свойствами устно-речевой коммуникативной среды, в которой появляются и бытуют высказывания на мифологическую тему.

Список информантов

БЛВ — Бабкина Любовь Владимировна, 1967 г. р., род. в Архангельске, с 1984 г. живет в с. Рягово (д. Лазаревская), зап. в 1998 г.

КМА — Кремленко Мария Алексеевна, 1930 г. р., род. в д. Абросимово (в 2 км от с. Лукино, ныне нежил.), живет в с. Лукино, зап. в 2001 г.

ПАС — Пагаленкин Алексей Симонович, 1929 г. р., род. и живет в с. Лядины (д. Рубцово), зап. в 1997 г.

ПВА — Попова Вера Алексеевна, 1923 г. р., род. в с. Ягрема, с 1930 г. живет в с. Лекшма (д. Барановская), зап. в 1998 г.

РЛМ — Румянцева Любовь Михайловна, примерно 1962 г. р., род. и живет в с. Рягово, зап. в 1998 г.

РМВ — Романчук Мария Ивановна, 1923 г. р., род. в с. Евсино (д. Ручьевская), с 1946 г. живет в г. Кировск Мурманской обл., приезжает в Евсино на лето, зап. в 1996 г. в с. Евсино (д. Ручьевская).

САП — Севастьянов Александр Павлович, 1931 г. р., живет в с. Ловзаньга (д. Жуковская), зап. в 1999 г.

ТПВ — Ворсина Татьяна Павловна, 1923 г. р., род. в с. Калитинка (д. Еремеевская), живет в с. Калитинка, зап. в 1993 г.

ФАА — Фадеева Августина Александровна, 1922 г. р., род. в с. Ольховец, живет в с. Печниково (д. Ватамановская), зап. в 1997 г.

Литература

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 629–650.

Арутюнова и др. 1992 — Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / [Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т. В. Булыгина]. М.: Наука, 1992.

Барт 2000 — *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 196–238.

Бахтин 1975 — *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975.

Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1993.

Виноградов 1990 — *Виноградов В. А.* Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 128.

Виноградов 1971 — *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.

Гуковский 1959 — *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.

Женетт 1998 — *Женетт Ж.* Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. / Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

Зализняк 2016 — *Зализняк Анна А.* Заметки к лингвистической теории нарратива // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 12–28.

Золотова и др. 2004 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004.

Корман 2006 — *Корман Б. О.* Теория литературы: Избр. тр. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2006.

Падучева 1995 — *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 54. № 3. 1995. С. 39–48.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Успенский 1970 — *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.

Успенский 2011 — *Успенский Б. А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.

Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Lyons 1977 — *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.

Сокращения

Аф. — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: В 3 т. 6-е изд. М.: Гослитиздат, 1957.

References

Apresyan, Yu. D. (1995). Deiksis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira [Deixis in vocabulary and grammar, and the naive model of the world]. In Yu. D. Apresyan. *Izbrannye trudy* [Selected works], (Vol. 2) *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Integral description of language and systematic lexicography], 629–650. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian).

[Arutiunova, N. D., Bulygina, T. V., Kibrik, A. A. et al.] (1992). *Chelovecheskii faktor v iazyke: Kommunikatsiia, modal'nost', deiksis* [The human factor in language: Communication, modality, deixis]. T. V. Bulygina (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and esthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Bart, R. (2000). Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov [Trans. from Barthes, R. (1966). Introduction à l'analyse structurale des récits. *Communications, 8,* 1–27]. In G. K. Kosikov (Ed., Trans., Intro.). *Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to post-structuralism], 196–238. Moscow: Progress. (In Russian).

Biuler, K. (1993). *Teoriia iazyka: Reprezentativnaia funktsiia iazyka* [Trans. from Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.* Jena: Gustav Fischer]. Moscow: Progress. (In Russian).

Gukovskii, G. A. (1959). *Realizm Gogolia* [Gogol's realism]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. (In Russian).

Korman, B. O. (2006). *Teoriia literatury: Izbrannye trudy* [Theory of literature: Selected works]. Izhevsk: Institut komp'iuternykh issledovanii. (In Russian).

Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vol. 2). Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Paducheva, E. V. (1995). V. V. Vinogradov i nauka o iazyke khudozhestvennoi prozy [V. V. Vinogradov and science of language of literary prose]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language]*, 54*(3), 39–48. (In Russian).

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).

Shmid, V. [= Schmid, W.] (2003). *Narratologiia* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Tolstaya, S. M. (2010). *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury: Ocherki po slavianskoi etnolingvistike* [Semantic categories of the language of culture: Essays in Slavic ethnolinguistics]. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

Uspensky, B. A. (1970). *Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiia kompozitsionnoi formy* [Poetics of composition. The structure of the artistic text and the typology of compositional form]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Uspensky, B. A. (2011). Deiksis i vtorichnyi semiozis v iazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]*, 2011*(2), 3–30. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian).

Vinogradov, V. A. (1990). Deiksis [Deixis]. In V. N. Iartseva (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary], 128. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).

Zalizniak, Anna A. (2016). Zametki k lingvisticheskoi teorii narrativa [Notes on the linguistic theory of narrative]. In N. D. Arutiunova (Ed.). *Logicheskii analiz iazyka. Informatsionnaia struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh* [Logical analysis of language. Information structure of texts of different genres and periods], 12–28. Moscow: Gnozis. (In Russian).

Zhenett, Zh. (1998). *Figury: Raboty po poetike* [Trans. from Genette, G. (1966–1972). *Figures*. Paris: Editions du Seuil] (2 Vols.). Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russian).

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Iu. (2004). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [A communicative grammar of Russian]. Moscow: Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Виктория Алексеевна Черванёва
кандидат филологических наук
доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Liberal Arts College,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 695-11-93
✉ *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Information about the author

Victoria A. Chervaneva
Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department of Humanities, Liberal Arts College, School of Public Policy,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 695-11-93
✉ *viktoriya-chervaneva@yandex.ru*